

Т. А. Сироткина (Пермь)

Образы «своих» и «других»: этнонимы в фольклоре народов Пермского края

Как известно, «этническое самосознание входит в обыденное (повседневное) сознание людей» [5: 93].

На территории многонационального Пермского края исторически сложилась очень пестрая этническая карта, что, в свою очередь, отражено в сознании и языке жителей региона.

Одним из ментефактов (элементов содержания сознания) является категория этничности, которая находит отражение во всех жанрах фольклора.

Образы соседних народов, по мнению Д. К. Зеленина, воплощаются в русских народных сказках. В предисловии к сборнику «Великорусские сказки Пермской губернии» он отмечает: «Один и тот же сказочный образ в разные эпохи народной жизни понимался, конечно, различно, мы не касаемся здесь вопроса о первоначальном возникновении и понимании образов (быть

может, мифологических) Бабы-Яги и других подобных; но что современные пермские сказочники из народа склонны отождествлять Бабу-Ягу и царевну-лягушку с соседними остяками или вогулами, а Самого с ноготь – борода с локоть или Харка Харковича с соседними же киргизами и башкирами, – то некоторые намеки на такое понимание я получил от самих же сказочников» [1: 11].

В результате ассоциирования в той или иной этнической культуре возникают представления о различных этносах, которые находят отражение в языковой картине мира. К таким представлениям относятся прецедентные феномены и стереотипы.

Многие этнонимы, функционирующие в фольклорных текстах, становятся национально-прецедентными феноменами, т.е. феноменами, известными любому национально-лингвокультурному сообществу и входящие в национальную когнитивную базу [2].

К числу прецедентных феноменов, представленных в пермском фольклоре, можно отнести:

Прецедентные тексты, содержащие этнонимы, например:

Тру-та-та, тру-та-та.

Вышла кошка за кота.

Ладила за барина,

Вышла за татарина.

Стал татарин лопотать,

Стала кошка хохотать (текст записан в д. Акчим Красновишерского района).

Прецедентные высказывания, например, пословицы и поговорки, содержащие этнические имена:

«Сама русска, юбка узка»;

«Ты татарин басурман, посадил девок в карман».

Этностереотип вслед за Л. П. Крысиным можно определить как «стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос» [3: 103].

Стереотипизация касается особенностей внешности, поведения, уклада жизни того или иного народа.

В коми-пермяцком эпосе хорошо отражены представления о пермской чуди – древнем народе Прикамья, являвшемся предком коми-пермяков.

В текстах легенд и преданий описываются физические качества, особенности характера представителей чудского народа: «Ловкие и сильные были чудины: охотились по дальним местам и за себя умели постоять» [6: 124].

Рассказывают коми-пермяки об образе жизни, занятий, верованиях чуди: «Жили чудины в ямах и землянках, будто кроты и мыши, не знали они ни хлеба, ни соли, ни ножа, ни топора. Еду и одежду им давали реки и леса.

тепло и свет – солнце, а добрый бог Ойпель хранил их от болезней, порчи и несчастий» [6: 124].

Встречается этноним чудь и в новогодней обрядности. В коми-пермяцком селе Левичи Косинского района студентка ПГПУ Лариса Федосеева записала следующее описание новогоднего обряда: «Семья выходит на улицу, берет палки и начинает ходить вокруг дома, своего хозяйства, приговаривая: новый год пришел, приплод принесет. Овце – ягненка, лошади – жеребенка, корове – теленка, свинье – поросят. Так говорят два раза, а на третий начинают стучать палками по стенам да говорить: новый год пришел, чуд вон пошел!»

Изгнание чудских бесов напоминает и новогодняя игра русских: «Мы раньше ишшо зыряном играли, ноне уж так-ту не играют: о святках одного средят, долгушего, остальные над им галются» [8: 339].

Отмечаются в фольклорных текстах особенности быта, одежды отдельных этнических групп: «Есть у нас камень Полюд, в древности на той горе вишерские коми жили... Останки ходока нашли охотники и по обуткам узнали, что он вишерский, ежели в узорчатых котях» [6: 116].

В. А. Маслова, рассматривая элементы языковой картины мира, отмечает, что «принадлежность к конкретной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в данном обществе» [4: 59]. То же можно сказать и о фольклорной картине мира – «совокупности коллективных знаний, представлений и верований о человеке, его взаимоотношениях с миром и о самом этом мире» [1: 209].

Образы «других» обязательно присутствуют в сознании представителей определенного этноса, являясь частью этнического самосознания. Особенно ярко подобные образы актуализированы в этногенетических преданиях, которые объясняют причины (мотивы) происхождения народов.

Особенно интересны «растительные», «земледельческие» мотивы в таких легендах, отражающие связи человека с землей, со всем растущим на ней. Так, коми-пермяцкое предание повествует о том, что коми-пермяки выросли на земле, как трава: «Русского человека, говорят, сам Бог создал. А коми-пермяка – кто? Здесь все наоборот. Поначалу ведь Земли не было – сплошное небо. А птицы и рыбы уже были. Рыба в ту пору крылатой была и тоже на небесах обитала. Когда возникла Земля, птицы и рыбы вниз опустились и принесли с собой семена злаков. От них стал расти хлеб. Тогда и роился коми-пермяк – у лесного овражка, под красным грибком. Тонкий и слабый. Сам взошел, как трава всходит. И стал быстро, как и трава, расти» [7: 111].

В этногенетических преданиях пермских цыган также отражаются растительные мотивы, связанные, однако, с фруктовыми деревьями: «Раньше-то на земле не было разных народов. И привел Бог людей в свой сад

Эдем. А там росли разные деревья, и груши, и сливы, и яблоки. И каждый пошел к тому дереву, которое ему понравилось. Так и пошли разные народы, кто какой фрукт съел. Цыганка пошла и скушала себе одну сливу. Так и пошли наши родители от сливы. Она не пошла, где яблоки, где груши, а пошла, где сливы, так и пошли цыгане. Татары ели горох. Когда кушали горох, они говорили: «Помогает Бог. Сколько гороху растет, столько чтоб людям было здоровье». Узбек скушал маслину, черную, сочную. Они и теперь черненькие такие, как маслина у них лицо. Русские яблоки съели. Пошла, видит, красивое яблоко висит на ветке, пошла и съела его. И, правда, русские яблоки любят. А евреи пошли туда, где груши. А груши, знаешь, они такие длинные, как нос. Нос и длинный у евреев, как груша. Румыны, они красивые, красивой нету, они, как виноград, красивые. У них раньше тоже были брочки. Они ехали и смотрят: это яблоко, это груша, это прошли, а где виноград – остановились, взяли себе по две-три веточки, покушали, вот такие стали красивые, симпатичные, друг друга красивее. А болгары ели абрикос, они тоже красивые. А цыгане пошли на сливу. Первая девка была, ей года три-четыре было, она сливу съела, одну, другую, третью, потому цыгане такие смугленькие, как слива» [9: 7].

Таким образом, в фольклоре народов Пермского края репрезентируются образы своего и других народов. Через набор этностереотипов они отражаются в фольклорной и языковой картине мира.

Литература

1. Голованова, Е. И. Языковая картина мира vs. фольклорная картина мира: зоны соприкосновения и различий в осмыслении человека «профессионального» / Е. И. Голованова // Вторые Лазаревские чтения. – Челябинск, 2003. – С. 207-211.
2. Зеленин, Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии / Д. К. Зеленин. – Пермь, 1991.
3. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных – М., 2003.
4. Крысин, Л. П. О русских этностереотипах в их языковом выражении / Л. П. Крысин // Лексикология и лексикография. – Вып. 17. – М., 2006. – С. 103-108.
5. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск, 2004.
6. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М.: Аспект-Пресс, 1996.
7. Отзвуки прошлых веков: Из эпоса коми-пермяков / Сост. В. В. Климов. – Кудымкар, 2005.
8. Словарь пермских говоров. – Вып. 1. – Пермь, 2000.
9. Черных, А. В. Пермские цыгане / А. В. Черных. – Пермь, 2003.